

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

DOI 10.35775/PSI.2026.132.3.016

УДК 327.8

Я.С. АЛЕШКИНА

ведущий специалист Отдела международного образовательного сотрудничества, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, г. Санкт-Петербург
E-mail: y.aleshkina@spbu.ru

В.В. АЛЕШКИН

аналитик, АНО «Центр изучения и сетевого мониторинга молодежной среды», Россия, г. Санкт-Петербург
E-mail: avv.gov@mail.ru

ВОЕННО-ТЕХНИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО КАК ИНСТРУМЕНТ УКРЕПЛЕНИЯ ПОЗИЦИЙ США И ТУРЦИИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

В настоящее время Центральная Азия является одним из регионов, международное сотрудничество с которым вызывает особый интерес у ведущих стран мира. Изучается процесс интеграции военного аспекта во внешнеполитические отношения стран Центральной Азии с США и Турцией, практики их военно-технического сотрудничества, а также механизмы «мягкой силы», позволяющие распространять внешнеполитическое влияние. Анализируется характер непосредственного взаимодействия США и Турции на территории стран Центральной Азии. Делается акцент на продвижении интересов отдельных государств по средствам ведения многовекторной политики в военной сфере для укрепления своих позиций в регионе и продвижения государственных интересов. Кроме этого, формулируется прогноз на выстраивание межгосударственных отношений США, Турции и стран Центральной Азии в сфере безопасности и оборонного сотрудничества.

Ключевые слова: влияние США и Турции, военная инфраструктура, стратегические интересы, конкуренция, оборонное сотрудничество, Центральная Азия, «мягкая сила».

Введение. Реалии современной политической и военной напряженности в разных регионах мира демонстрируют стратегическую необходимость в наращивании военных технологий. Именно они выступают сдерживающим фактором, способным мягко влиять на сторонние государства.

В ходе исследования рассматривается военное-техническое взаимодействие США и Турции со странами Центрально-Азиатского региона в военно-политическом контексте.

Проблема заключается в том, что регион Центральной Азии подвергается попыткам всестороннего влияния, страны стремятся к наращиванию своего военного потенциала, применяя различные механизмы. В этом контексте США и Турция выступают одними из наиболее активных акторов, развернувших деятельность в Центрально-Азиатском регионе.

Цель исследования – изучить применяемые на территории Центральной Азии механизмы внешней политики США и Турции, а также оценить степень их влияния на формирование политики стран данного региона.

Деятельность США в Центральной Азии. США имеют репутацию одного из ведущих технологических лидеров в военной сфере в силу возможности значительного финансирования, наличия передовой военной техники и высококвалифицированных сотрудников профильных государственных структур. Большие финансовые вложения направлены на усовершенствование оборонного комплекса, а также развитие военной науки и исследований. Более того, США являются инициаторами формирования НАТО и одними из его главных финансовых источников. Членство США в альянсе НАТО расширяет американское военное присутствие в других странах мира, это подразумевает частичный или полный контроль над военными базами, контингентом и другой военной инфраструктурой [5]. Благодаря соглашениям с НАТО, США получают неограниченный доступ к разворачиванию полномасштабных действий по достижению геополитических целей, выбирая для себя наиболее перспективные регионы, в том числе богатые природными ресурсами.

Центральная Азия находится на особом счету, Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Узбекистан и Туркменистан привлекательны с точки зрения не только политики и международной безопасности, но и сбыта природных ресурсов – урана, нефти и природного газа. Созданное в 1961 г. Джоном Ф. Кеннеди Агентство США по международному развитию (USAID) [16. С. 171-173] выделяет конкретные сферы мягкой силы США [6]. Отдельная работа ведется в выстраивании связей с Центрально-Азиатским регионом, которую осуществляет «Фонд экономической поддержки» в рамках программы «Поддержка Европы, Евразии и Центральной Азии» [3. С. 136]. Фонд предметно разрабатывает инициативы, способствующие экономическому развитию, и финансирует их.

Центральная Азия соседствует с ядерными державами – Китаем, Индией, Россией и Пакистаном, а также Ираном, стремительно развивающимся в области ядерного оружия и Турцией, обладающей тем же потенциалом. Перечисленные государства выстраивают свою внешнюю политику с учетом национальных интересов, но с точки зрения США представляют угрозу для мировой стабильности. Такая тенденция способствует пересмотру США приоритетных направлений своей внешнеполитической стратегии, в рамках которой они стремятся к расширению влияния в регионе. США часто используют локальные конфликты

и очаги нестабильности в различных регионах мира в качестве рычагов влияния для продвижения и укрепления своих национальных интересов.

В период с 2001 по 2014 годы военный, политико-экономический и культурный аспекты влияния США рассматривались как механизмы мягкой силы. Подтверждением этого явления может стать Международный аэропорт «Манас», находящийся в г. Бишкеке. Аэропорт является крупным важнейшим авиатранспортным узлом страны, где тогда разместились американцы [12]. Благодаря финансированию стратегически важных объектов, в том числе авиабазы антитеррористической коалиции, которая была связующим звеном в цепи перевозок пассажиров и грузов в Афганистан и обратно, США удалось занять позицию, позволяющую контролировать не только логистику, но и оказывать влияние на региональную политику и общественное мнение в Центральной Азии.

Ключевой объект размещения находился также на территории Узбекистана в период с 2001 по 2005 гг. – авиабаза Карши-Ханабад. В Таджикистане использовались отдельные элементы инфраструктуры без развертывания постоянной базы, тогда как в Казахстане и Туркменистане взаимодействие ограничивалось транзитными возможностями и программами военно-технического сотрудничества.

Данная модель обеспечивала прямое физическое присутствие, оперативный контроль над логистическими маршрутами и расширение двусторонних оборонных контактов.

Сильными сторонами подхода США являлись значительные финансовые ресурсы, развитая военная инфраструктура, высокий уровень технологического превосходства и возможность быстрого развертывания сил. Это позволяло формировать устойчивое военное присутствие и оказывать прямое влияние на процессы в сфере региональной безопасности. Однако стоит отметить, что у США была зависимость от внутривнутриполитической конъюнктуры принимающих государств, чувствительность к изменениям внешнеполитической обстановки и восприятие постоянных военных объектов как фактора внешнего давления, что в конечном итоге привело к свертыванию инфраструктуры к 2014 году.

В последнее время присутствие США в Киргизской Республике усиливается. США позиционируют себя гарантом безопасности в стране, демонстрируя традиционный пример реализации мягкой силы, поскольку кроме военного контроля осуществляется поддержка государственных структур, что естественным образом способствует выстраиванию доверительных отношений США с политическими элитами Киргизии.

Такой курс политики США спровоцировал обеспокоенность России и Китая, так как они неизменно считают себя ключевыми акторами, имеющими сферу влияния в Киргизии. По этой причине Россия не стала уступать США в вопросе распределения сил в стране, применив свои механизмы мягкой силы по средствам активизации участия в ОДКБ и развертывания деятельности объединенной российской военной базы в Киргизии [1] с целью демонстрации равных условий конкуренции и политического влияния в регионе.

К 2014 году открытое военное присутствие США в Киргизии прекратилось, однако применение американских механизмов мягкой силы – передача опыта оборонных технологий и безопасности – сохраняется. Киргизские военные проходят специализированные тренинги по безопасности от американских военных, получая доступ к современным технологиям в области кибербезопасности и антитеррористической подготовки [10]. Более того, в период с 1961 г. по 2025 г. Агентство США по международному развитию (USAID) было активно включено в процесс технического усовершенствования и комплектования киргизской армии и иных силовых структур совместно с Пентагоном. Оборудование, системы национальной безопасности и связи соответствуют стандартам западного образца.

Несмотря на отсутствие постоянного физического присутствия контингента США в Киргизии, активно и довольно эффективно реализуются инструменты мягкой силы благодаря сотрудничеству в сфере технологий, в том числе военных, образовательных инициатив и творческой кооперации. Многосторонние контакты являются опорной точкой для выстраивания стратегически верных долгосрочных контактов в важной для США стране Центрально-Азиатского региона.

Стоит отметить, что страны Центральной Азии и Азербайджан идентифицируют себя как отдельный политико-экономический регион. С 2005 года так называемый проект «Большая Центральная Азия» стал частью американской политики и продемонстрировал нарастающий интерес к странам этого региона. В его основе лежит распределение баланса сил, а именно стремление США в выводе стран Центральной Азии из сферы российского влияния и частично китайского [19]. В контексте «Большой Центральной Азии» [17] нередко упоминается Афганистан, который также является составной частью американской политической стратегии по распространению мягкой силы. Однако в настоящее время Афганистан – это область сдерживания, которая представляет большую проблему для США и перетягивает все их внимание на себя. Такая позиция во многом связана с исторической памятью, усиливающейся безопасностью и экономическим ростом не только самого Афганистана, но и граничащими с ним странами – Китаем, Пакистаном, Ираном и Индией. Присутствие всех перечисленных акторов усложняет стратегическую кооперацию и потенциал США, который пока еще окончательно не сформирован.

Современная политика 47-го Президента США Дональда Трампа направлена на возвращение военного присутствия контингента США в Центральной Азии, акцентируя внимание на стратегической необходимости в конкуренции с Китаем. Прорабатывается план по возобновлению контроля над авиабазой Баграм в Афганистане, из которой американские военные были выведены в 2021 году [18]. Главный аргумент этой необходимости обуславливается близостью китайских ядерных объектов и частью политики сдерживания Китая. Правительство Талибана выступает против вторжения США на территорию

Афганистана, однако к сотрудничеству в экономической и политической сфере готовы.

Обобщая, в условиях отсутствия прямого целостного военного присутствия США в Центральной Азии механизмы «мягкой силы» реализуются по средствам наиболее эффективных в настоящее время направлений. Большой упор делается на образовательной кооперации американских военных и военного контингента стран Центральной Азии для прохождения профессиональной подготовки и освоения американских стандартов. Кроме этого, США включены в процесс поставок технического оборудования как военного, так и гражданского назначения. В этот список входят системы наблюдения, средства связи, медицинское оборудование, обеспечивающие безопасность в регионе. Все предоставляемые США товары и услуги в регионе способствуют образованию зависимости стран от технического обслуживания и нормативных стандартов.

Всесторонние действия США, нацеленные на защиту региона и обеспечение безопасности, складывают образ надежного защитника, стоящего на страже. Значительную роль играют гуманитарные миссии, именно они складывают позитивный имидж США у гражданского населения.

Стоит также отметить осторожность и обдуманность каждого шага, поскольку США осознают возможные политические риски, нависающие со стороны России и Китая, а также суверенные принципы стран Центральной Азии. Аккуратность политики США, стратегический подход и военные технологии как инструмент мягкой силы в действительности сохраняют относительное спокойствие в регионе и способствуют укреплению их позиций на мировой арене.

Деятельность Турции в Центральной Азии. Масштабный переворот в политическом и юридическом статусе бывших республик СССР произошел в 1991 г. после распада Советского союза. Турция была одной из первых стран, признавших их независимость, и включилась в процесс выстраивания международных отношений с ними. Упор был сделан на тюркские государства постсоветского пространства: Азербайджан, Казахстан, Киргизия и Туркменистан [15. С. 53-58]. Глобальная цель Турции заключалась в объединении тюркоязычного мира, в том числе на территории всего Центрально-Азиатского региона.

Тесные взаимоотношения с Турцией усилили уверенность государств в правильном направлении движения – укреплении суверенитета. Страны Центральной Азии воспринимали Анкару как главного потенциального инвестора для реализации инфраструктурных, образовательных и иных проектов на территории своих государств. Несмотря на как, казалось бы, перспективные обещания и завышенные ожидания, многие проекты удалось реализовать и слияние тюркского мира оказалось вполне реалистичным. Готовность бывших советских республик подстраиваться под одного ведущего лидера тюркского мира позволила выстроить свои экономики более независимыми от Российской Федерации, уравнивать экономические силы и пересмотреть национальные приоритеты и стратегии.

Интерес к сотрудничеству со странами Центральной Азии и наличие инструментов влияния мягкой силы остаются одними из приоритетных. Площадкой для культурной, экономической и военно-политической стратегической кооперации выступает Организация тюркских государств (ОТГ), куда входят Турция, Азербайджан, Казахстан, Киргизия и Узбекистан [11], а в качестве наблюдателей – Туркмения, Венгрия и Турецкая Республика Северного Кипра, которую признает только Анкара. Эта международная межправительственная организация нацелена на укрепление мира и международной стабильности в регионе. В октябре 2025 г. в Азербайджане состоялся XII саммит Организации тюркских государств, в рамках повестки обсуждалась готовность государств к «любой ситуации» в мире, а президент Турции Реджеп Тайип Эрдоган отметил, что в прогрессе находится обсуждение аспектов «многопланового сотрудничества – от разведки и пограничной безопасности до киберпространства» в связи с тем, что уровень расходов на оборону увеличивается во всем мире. Экспертами отмечается, что цель ОТГ состоит в формировании не тюркского, а в большей степени турецкого мира [8]. Кроме этого, страны ОТГ выразили готовность к проведению специальных военных учений в Азербайджане в следующем году, а также согласовали единый тюркский алфавит.

Со стороны Турции упор делается на историческую связь, она активно помогает устанавливать связи в военно-техническом направлении, ведутся прямые поставки оружия и техники в страны «Великого Турана» [9] – военный альянс тюркских государств, располагающихся в Центральной Азии. Мягкая сила проявляется в продвижении феномена «мусульманского оружия» [2], под которым понимается производство военной техники и вооружения исламской частью Турции для стран мусульманского мира. Казахстан, Узбекистан [20] и Киргизия [13] уже заключили или находятся на стадии подготовки соглашения о расширении оборонного сотрудничества в закупке турецких беспилотников, стрелкового оружия, бронетехники, систем связи и наблюдения. Подобные соглашения вызывают опасения, поскольку под предлогом прокладки безопасных транспортных маршрутов будет осуществляться усиление присутствия военного турецкого контингента на территориях этих государств. Турция также имеет амбиции в локализации производства, проведении научно-исследовательских работ, а также специализированного обучения местных военных.

Имплементация военных технологий в качестве инструментов мягкой силы Турции подкрепляется широкой гуманитарной миссией. Во-первых, при поддержке Турции разрабатываются единые школьные учебники по тюркской истории, литературе и географии. Планируется переход стран-участниц ОТГ к использованию тюркского алфавита. Во-вторых, на территории некоторых государств реализуют свою деятельность высшие учебные заведения, пропагандирующие лояльные взгляды на политику Турции и позиционирующие себя центрами подготовки высококвалифицированных кадров. Например, Кыргызско-Турецкий университет «Манас» [7] успешно ведет образовательную деятельность в Киргизии. И, наконец, этап трансформации переживает

миграционная политика – президент Эрдоган подписал указ об упрощении трудоустройства и предпринимательства для граждан стран ОТГ [14].

Сближение в кросс-культурной среде дает Турции возможность продвигать идею необходимости создания единого военного блока на основе ОТГ. Военно-промышленный комплекс Турции охватывает не только прямое военное присутствие и взаимодействие с военным контингентом на территории стран ОТГ, но и проникновение в основополагающие алгоритмы военной кооперации, связанные с унификацией образовательных стандартов и норм, а также скоординированных учений.

Не менее значимой является ежегодная площадка форума «Манас», собирающая представителей протурецких высших учебных заведений. В 2025 году уже 5-ый форум состоялся 6-8 ноября в Турецкой Республике Северного Кипра [7]. Ключевыми аспектами являются проекты, связанные с разработкой новых коридоров многостороннего сотрудничества, которые будут курироваться Анкарой.

Стратегический план Турции по расширению механизмов своей мягкой силы набирает обороты. Его потенциал состоит во включении в свое пространство даже тюркоязычных территорий вне формального состава ОТГ. Крупным региональным игрокам, в том числе России, необходимо быть готовыми к перераспределению сил в регионе Центральной Азии и масштабному внедрению военного компонента в реализации внешней политики Турции.

Ужесточение миграционных правил в России, традиционно привлекавшей трудовых мигрантов из Центральной Азии [4], открывает Турции новые возможности для перехвата огромного потока международных мигрантов. Активное продвижение Анкарой идеи единого тюркского мира может стать привлекательным для многочисленных тюркских народов, проживающих на территории России (башкиров, татаров, чувашей, якутов, карачаевцев и других). Следовательно, Турция не только способна расширить свое влияние в Центральной Азии, но и обладает потенциалом в том, чтобы стать угрозой для России в экспансии турецкого влияния даже в пределах государственной границы Российской Федерации.

Конкуренция или сотрудничество? Взаимодействие США и Турции в Центрально-Азиатском регионе характеризуется нестандартным подходом. Каждая из стран имеет конкретные индивидуальные цели по охвату региона, поэтому в глобальном значении их соперничество может быть разделено на две критически важные линии. Во-первых, оба государства заинтересованы в сдерживании России и Китая. Во-вторых, наблюдается их сильнейшее соперничество в области технологий, инвестиционных проектов и культурно-языковых аспектов.

США занимает сильные позиции в качестве надежного инвестора в секторе экономики и новых технологий. В то время как важнейшим механизмом Турции является доверие со стороны стран Центральной Азии на основе концепции общей культурной и языковой близости.

Стоит отметить, что прямой конкуренции за военное базирование в классическом смысле между США и Турцией в регионе не сложилось, поскольку их модели присутствия различались по форме и масштабу. Кроме этого, у Турции значительно меньшие финансовые и военные ресурсы по сравнению с США, а также существует зависимость от баланса интересов других крупных внешних акторов.

Вместе с тем в более широком стратегическом измерении наблюдается косвенная конкуренция за влияние в сфере оборонного сотрудничества, подготовки кадров и поставок вооружений. Американская модель была ориентирована на физическое военное присутствие и оперативное воздействие, тогда как турецкая стратегия направлена на долгосрочную институциональную интеграцию в оборонные структуры государств Центральной Азии.

Заключение. Присутствие Соединенных Штатов в Центральной Азии имело гораздо более широкий военно-политический характер, чем исключительно транзитно-логистическая обеспечение операции в Афганистане. Размещение военной инфраструктуры на территории Киргизии и Узбекистана, а также использование отдельных объектов в Таджикистане при одновременном развитии транзитного и военно-технического взаимодействия с Казахстаном и Туркменистаном обеспечивало США расширение оборонных контактов в регионе.

Такая модель формировалась на основе финансовых и технологических возможностей Соединенных Штатов и давала возможность развертывать военный контингент в кратчайшие сроки, оказывать влияние на региональную безопасность и контролировать логистические маршруты.

При этом деятельность военного контингента Турции в Центральной Азии носит преимущественно институциональный и кооперационный характер. Анкара не размещает постоянные военные базы в регионе, однако активно развивает оборонное сотрудничество с Казахстаном, Узбекистаном, Киргизией и Туркменистаном через поставки вооружений, подготовку кадров, совместные учения и военно-образовательные программы. Существенную роль играет координация в рамках Организации тюркских государств, что придает взаимодействию дополнительное политико-культурное измерение.

Сильными сторонами турецкого подхода являются культурно-языковая близость со значительной частью государств региона, гибкость формата сотрудничества, меньшая политическая чувствительность по сравнению с размещением иностранных баз, а также конкурентоспособность оборонной продукции, особенно в сегменте беспилотных систем.

Можно предположить, что повторное воссоздание полноценного военного присутствия США в Центральной Азии по модели начала 2000-х годов представляется маловероятным. Вашингтон будет придерживаться более гибкого и менее публичного формата взаимодействия. Основное внимание может быть сосредоточено на военно-техническом сотрудничестве, подготовке кадров, консультативной поддержке, обмене информацией и точечных программах в сфере

региональной безопасности. Такой подход позволит США сохранять влияние без создания постоянной инфраструктуры и снизит политическую напряженность на территории государств региона.

В то же время Турция, вероятно, продолжит укреплять свои позиции. Анкара не ориентируется на размещение военных баз, а делает ставку на поставки вооружений, совместные учения, образовательные программы и развитие оборонно-промышленного партнерства со странами региона.

Тенденция показывает, что в регионе сохранится формат скрытой конкуренции за влияние в сфере безопасности и оборонного сотрудничества. Страны Центральной Азии, придерживаясь многовекторной внешней политики, будут стремиться к балансу в интересах различных внешних акторов, минимизируя риски зависимости от одного ведущего партнера.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Абытов Б.К., Бурханов С.С.** Кыргызская Республика и США: начало, этапы дипломатических отношений, сферы сотрудничества // ВВ. 2024. № 1 // <https://cyberleninka.ru/article/n/kyrgyzskaya-respublika-i-ssha-nachalo-etapy-diplomaticheskikh-otnosheniy-sfery-sotrudnichestva> (дата обращения: 15.10.2025).
2. **Атаманов С.А.** Военно-техническое сотрудничество Турции с тюркскими государствами, 2022 // <https://www.iimes.ru/?p=91426>.
3. **Братерский М.В., Скриба А.С.** Концепция «мягкой силы» во внешнеполитической стратегии США // Вестник международных организаций. 2014. № 2. С. 130-144.
4. **Голова Е.Е.** Трудовая миграция в современных условиях: новые вызовы для рынка труда и перспективы // Экономика труда. 2025. № 5 // <https://cyberleninka.ru/article/n/trudovaya-migratsiya-v-sovremennyh-usloviyah-novye-vyzovy-dlya-rynka-truda-i-perspektivy>.
5. Информационно-аналитический портал «НАТО.РФ» // <https://нато.рф/ru/usa.html>.
6. **Кошкар-оол А.А.** «Мягкая сила» в международной политической коммуникации: подходы к интерпретации концепции // Журнал «Международные коммуникации». 2019. № 1 (10) // <https://intcom-mgimo.ru/2019/2019-10/soft-power-in-int-political-communication>.
7. Кыргызско-Турецкий университет «Манас» // Официальный сайт // <https://www.manas.edu.kg/ru/index.php>.
8. **Логинава К.** Ятаган в спину: Организация тюркских государств задумала учения против России // Известия. 2025 // <https://iz.ru/1969082/kseniialoginova/iatagan-v-spinu-organizatcia-tiurkskikh-gosudarstv-zadumala-uchenii-protiv-rossii>.

9. **Мирзобеков Р.** «Великий Туран» – миф или перспектива? 2022 // <https://asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/politics/20221129/velikii-turan-mif-ili-perspektiva>.
10. ОДКБ: Вывод базы США из Киргизии не снизит безопасность в Азии подробнее, 2009 // https://odkb-csto.org/news/smi/odkb_vyvod_bazy_ssha_iz_kirgizii_ne_snizit_bezopasnost_v_azii_podrobnee/#loaded (дата обращения: 15.10.2025).
11. Организация тюркских государств // Официальный сайт // <https://turkicstates.org/en/member-states>.
12. **Орозалиев Б.** Киргизия передумала требовать от США вывода авиабазы в Манасе // Россия и мусульманский мир. 2005. № 10 // <https://cyberleninka.ru/article/n/kirgiziya-peredumala-trebovat-ot-ssha-vyvoda-aviabazy-v-manase> (дата обращения: 03.10.2025).
13. **Панфилова В.** Киргизия и Турция будут производить оружие вместе // Независимая газета. 2025 // https://www.ng.ru/cis/2025-02-09/5_9188_kyrgyzstan.html.
14. Президент Турции упростил трудоустройство граждан тюркских государств // Хроника Туркменистана, 2025 // <https://www.hronikatm.com/2025/10/prezident-turczii-uprostit-trudoustrojstvo-grazhdan-tyurkskih-gosudarstv/>.
15. **Притчин С.А.** Турецкая стратегия в отношении Центральной Азии на современном этапе: сильные стороны и ограничители // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2024. № 2. С. 52-62. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-2/52-62>.
16. **Саттарова М.С.** «Основные направления реализации политики «мягкой силы» США в Центральной Азии» // Социально-гуманитарные знания. С. 171-173.
17. Стратегия США для Большой Центральной Азии // «Каспийский вестник». Аналитика, Геополитика и геоэкономика. 20 мая 2025 г. // <https://casp-geo.ru/strategiya-ssha-dlya-bolshoj-tsentralnoj-azii-doklad/>.
18. США намерены вернуть себе крупнейшую авиабазу в Афганистане. Коммерсант, 22.09.2025 // <https://www.kommersant.ru/doc/8058841> (дата обращения: 03.10.2025).
19. **Тулепбергенова г.** Проект Большой Центральной Азии: анализ состояния и эволюция // Центральная Азия и Кавказ. 2009. № 1 (61) // <https://cyberleninka.ru/article/n/proekt-bolshoy-tsentralnoy-azii-analiz-sostoyaniya-i-evolyutsiya> (дата обращения: 15.10.2025).
20. Узбекистан закупает у Турции еще больше военных дронов, 2025 // <https://kun.uz/ru/news/2025/01/29/uzbekistan-zakupayet-u-tursii-yeshche-bolshe-voyennyx-dronov-smi>.

IA.S. ALESHKINA

Leading specialist, International Academic
Cooperation Department, St. Petersburg State University,
St. Petersburg, Russia

V.V. ALESHKIN

Analyst, Autonomous Non-Profit Organization
«Center for the Study and Network Monitoring of the Youth
Environment», St. Petersburg, Russia

MILITARY-TECHNICAL COOPERATION AS AN INSTRUMENT FOR STRENGTHENING THE POSITIONS OF THE UNITED STATES AND TURKEY IN CENTRAL ASIA

Currently, Central Asia is one of the regions with which leading world powers are particularly interested in fostering international cooperation. The article examines the process of integrating the military dimension into the foreign policy relations of Central Asian states with the United States and Turkey. It analyzes the practices of their military-technical cooperation, as well as the «soft power» mechanisms employed to project foreign policy influence. The nature of the direct engagement between the U.S. and Turkey within the Central Asian region is also analyzed. Emphasis is placed on how certain states advance their interests by pursuing a multi-vector policy in the military sphere to strengthen their positions in the region and promote their national agendas. Furthermore, the analysis formulates a forecast regarding the future development of interstate relations between the United States, Turkey and the Central Asian countries in the areas of security and defense cooperation.

Key words: US and Turkish influence, military infrastructure, strategic interests, competition, defense cooperation, Central Asia, «soft power».